

гибшего советского офицера и посол независимой Литвы, выразив сожаление по поводу трагических жертв, заявили, что у них нет претензий соответственно к литовскому народу или к российскому народу. Кстати, среди опрошенных русских в Литве лишь 18% жалуются на этническую дискриминацию. В то время как в Эстонии эта цифра достигает 67%⁹.

Почти одновременная смена политических лидеров в США и России, не имеющих международного опыта политики уступок и компромиссов, заключает в себе опасный потенциал возможных конфронтаций. Уверен, что в той и другой стране имеется немало влиятельных политиков, мыслящих категориями «холодной войны».

На первый взгляд, в период триумфального шествия *глобализации* лозунг «научить жить вместе!» кажется странным. Однако, настаивая на нем в этом выступлении, мне хотелось бы подчеркнуть, что мало кто ожидал на исходе XX века взрыва межэтнических конфликтов, распространения ксенофобии. К сожалению, мы пока еще недостаточно знаем природу человека и межличностных отношений.

С. И. Семенов,
профессор Института Латинской Америки РАН
(г. Москва)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ТОЛЕРАНТНОСТЬ СЕГОДНЯ

Понятие гражданского общества исторически появляется вслед за утверждением гражданского права. Одно неразрывно связано с другим. Когда абсолютные монархии пытаются политически мобилизовать «третье сословие» в качестве одной из своих социально-политических опор в борьбе со средневековыми «вольностями» феодалов, они против своей воли оказываются вынужденными укоренять в своей стране гражданское общество как мощнейший инструмент ее модернизации. И этот процесс свойствен не только «западной», «атлантической», но и другим цивилизациям. Вспомним так называемую революцию Мэйдзи в Японии. Вспомним неудавшуюся белую революцию последнего шаха в Иране.

⁹ Геополитическое положение России: представления и реальность. М., 2000. С. 154.

Гражданское общество окончательно утверждается как абсолютное торжество принципа частной собственности. Как известно, гражданское право является синонимом права частного. Поэтому гражданское общество обычно состоит из тех, кто владеет частной собственностью и расширяется по мере расширения круга ее владельцев. Частные собственники обладают полнотой гражданских прав, в том числе правом голоса и участия в политических выборах, то есть в принятии государственных решений непосредственно или через своих политических представителей.

Гражданское общество — обычно всесословно, полиэтнично и поликонфессионально.

В этом смысле эталоном гражданского общества на Западе и в России служили масонские ложи с их девизом: «Все люди — братья»! Здесь важен и их культ знания, хотя сами ложи имели очень элитарный, закрытый характер (своеобразный протестантский аналог ордена иезуитов, только без главенства папы и без celibата, впрочем, последнее и для иезуитов не было всегда обязательным).

Всесословность, полиэтничность и поликонфессиональность уже сами по себе предполагают известный уровень толерантности в частной жизни. Поэтому с самого своего появления на свет гражданское общество представляло собой своеобразную школу толерантного поведения граждан, что не отрицает уважения принципов социальной иерархии и власти.

В московской Руси и петровской России гражданское общество вначале было представлено анклавами иноземных слобод (самым знаменитым прототипом ее являлась Немецкая слобода в Москве). Однако ростки гражданского общества имелись в Ново-городской и Псковской землях, в Галицко-Волынском княжестве и особенно в присоединенных к России польских и прибалтийских городах. Но системообразующий характер эти ростки стали приобретать в результате реформаторских попыток Екатерины II модернизировать Россию и превратить ее в подлинно европейскую страну. Издательская деятельность Н. И. Новикова — несомненное свидетельство появления такого общества в России. Этот процесс шел очень противоречиво, с прорывами вперед и многочисленными откатами на целые десятилетия. Но он все же шел. Самым ярким свидетельством этого процесса явилась лекция о гражданском обществе царскосельского наставника

А. С. Пушкина, известного правоведа А. П. Кунянина, опубликованная им в 1817 году. Затем он выпустил свой труд «Естественное право», надолго запрещенный царской цензурой вслед за запретом на преподавание. Самодержавие сделало ставку не на развитие гражданского общества, а на социальную мобилизацию люмпенов и общинного крестьянства, пожав кровавые плоды этой самоубийственной стратегии в 1917 году и в годы гражданской войны. Двор решил сформировать сверху через охранку свое собственное гражданское общество, точнее его эрзац, в лице разных черносотенных полувоенных, полутеррористических организаций, включая такие, как «Союз Михаила Архангела» и «Союз русского народа». Его устраивало не согласование разнородных общественных интересов, а натравливание одного слоя на другой, одного народа на другой. Это «общество» целиком строилось на ненависти и лжи. Реформаторские попытки Столыпина, старавшегося модернизировать страну и расширить социальную базу власти за счет новых собственников, были сорваны двором.

В начале XX века в европейской части России сложилось, плохо ли, хорошо ли, гражданское общество с его политическими институтами. К сожалению, подавляющее большинство населения осталось за его воротами, а царская власть видела в нем не союзника, а злейшего врага.

В ходе революции и гражданской войны гражданское общество рухнуло. Произошла масштабная архаизация социальной структуры России. Через Наркомпрос и его филиальные структуры советская власть попыталась воссоздать эрзац гражданского общества, утраченный вместе с падением царизма. Пролеткульт, «синие блузы», масса ассоциаций писателей, художников, вообще людей творческих профессий в 20-е годы играли роль этого заменителя гражданского общества. Но их идеология строилась не на проповеди толерантности, а как раз на «науке ненависти».

Во времена нэпа на короткий срок появились и настоящие ростки гражданского общества, люди, которые несли идеи милосердия, толерантности, любви к ближним и дальним. Их «прорабатывали» в коммунистической прессе, подвергали ostracismу, в лучшем случае высылали за границу, в худшем в концентрационные лагеря, или истребляли физически.

В 30-е годы все эти ростки были окончательно загублены, а все творческие ассоциации превращены в «приводные рем-

ни» ВКП(б) и поставлены под строгий чекистский контроль. Интернационализм и дружба народов обернулись просто бессодержательными лозунгами.

Только после разоблачения культа личности Сталина, с началом «оттепели» в советской печати снова зазвучали гражданские мотивы и нотки толерантности.

Голос был слабый, но резонанс очень громкий. За полвека власти почти удалось приглушить этот голос так, что звучал он только из-за границы и, казалось, не имел социально-экономических корней на родине, но вдруг, за каких-то пять с небольшим лет, все переменялось кардинально. Этот феномен в исторической литературе и особенно в публицистике часто изображают как заговор с иностранным участием или приписывают харизме то ли Хрущева, то ли Горбачева, то ли Ельцина. Все эти рассуждения и сложные конструкции представляют собой культ личности наоборот, и не более того. Для тех, кто верит в то, что историю делают лишь «великие люди», такое объяснение звучит утешительно, хотя абсолютное большинство этих публицистов и не согласны видеть в означенных персонажах «великих людей». На такую роль никто из них просто не тянет. Значит, объяснения надо искать в иной плоскости.

За 70 лет советской власти социально-экономическая структура страны радикально изменилась: из крестьянской она стала преимущественно городской и индустриальной. Еще более разительные перемены произошли в результате ликвидации неграмотности и появления на исторической сцене большинства взрослого населения со средним специальным и высшим образованием, с технической или педагогической профессией. Эти люди стали отчетливо сознавать обострение противоречия между собственными социальными интересами и корыстными интересами правящей партийно-хозяйственной верхушки. Когда реформистские попытки части партийной элиты, предложившей утопическую модель «социализма с человеческим лицом», не увенчались успехом и были отвергнуты даже консервативным большинством аппарата КПСС, сложилось общественное согласие по поводу смены социально-экономического строя и политического режима, вследствие чего СССР распался. Так появился феномен квазигражданского общества в России 90-х годов. В этом феномене нет ничего плохого, но и хорошего тоже не много.

Во-первых, вышеозначенное согласие зиждется на негативном моменте (отрицание обанкротившихся моделей), а не на прочном социально-экономическом и политическом основании. Поэтому практика обнажает несовпадение интересов разных социальных групп и разновекторность предлагаемых программ выхода из кризиса. Основная же часть населения как не имела частной собственности, так и не имеет ее. Население понимает, что ему закрыт путь к этой собственности, что он заблокирован разного рода монополиями и госаппаратом, обслуживающим их корыстные интересы. Этим объясняются рассуждения многих публицистов и особенно политиков относительно следования России по так называемому латиноамериканскому пути. А без массового, стабильного гражданского общества все демократические завоевания 90-х годов оказываются под вопросом.

Во-вторых, строится гражданское общество в России не столько снизу, естественным путем, сколько сверху, в результате государственных экспромтов и пристрастий. В итоге младенец живет с врожденным дефектом. При хилости горизонтальных социальных отношений, это общество ориентировано только вертикально, что усиливает опасность распада России как государства (по примеру СССР и СФРЮ).

В-третьих, вертикальное квазигражданское общество не имеет обратных связей с государством и не обладает возможностями сколько-нибудь серьезно воздействовать на политическую жизнь и принятие властных решений. Политические партии ведь также являются квазипартиями, а не полноценными политическими институтами. Разделение властей также существует только на бумаге, а в действительности единственным действующим лицом на политическом поле выступает президент и его администрация, которая неизбежно при таком раскладе сил концентрирует в себе все общественные противоречия и тем самым делает власть президента неустойчивой, нерешительной, не способной последовательно проводить в жизнь принятые решения.

В-четвертых, вертикальное квазигражданское общество не может служить опорой для развития демократического процесса в стране, оно выполняет функцию прикрытия квазидемократии, то есть авторитарного режима. В этом качестве оно может стать прекрасной ширмой для формирования унитарного государства с монархическим устройством.

Наконец, квазигражданское общество по определению не толерантно. Его сердцевину образуют ассоциации, создаваемые силовыми ведомствами (ветеранские, молодежные военно-патриотические, военно-спортивные охотничьи, военно-технические и т. д.). К ним примыкают ведомственные (ассоциации служащих санэпидстанций, имитирующие массовое экологическое движение, всевозможные придатки Минсельхоза и других министерств). Как видим, все это — чисто бюрократические структуры, обслуживающие бюрократический аппарат. Они имеются повсюду и, в отличие от квазипартийных образований, они могут в любой момент быть подвинуты властью на исполнение любой акции, вплоть до объявления забастовки, когда она выгодна министерству или дирекции предприятия. Эти бюрократические структуры часто образовывали свои квазипартии и участвовали в выборах на федеральном и местном уровнях.

Такое «общество» призвано лишь имитировать толерантность, а на самом деле может лишь исполнять роль агрессивного послушного большинства, заглушая голос совести и разума конформистскими аплодисментами в честь власти.

Другим вариантом квазигражданского общества является попытка выдать за него существующие квазипартийные образования, блоки и союзы. На самом деле даже настоящие политические партии никогда и нигде не претендовали на роль субъектов гражданского общества именно потому, что они сами стремились к властным полномочиям в своем государстве и реально осуществляли их. Наши же квазипартийные образования лишь имитируют претензии на «участие во власти», не имея для этого ни средств, ни желания нести реальную ответственность за принимаемые решения. Для них гораздо выгоднее пребывать в «мягкой» оппозиции к власти, вечно прикармливаясь из ее рук. Так обеспечиваются голоса протестного электората, слава «оппозиционера» и «друга народа», министерские и другие теплые местечки во власти и иные материальные выгоды за «правильное голосование». Поэтому претензии квазипартий строить гражданское общество сверху и оспаривание ими этой «функции» у власти выглядят как исторический фарс, и не более того. Даже в том случае, если к этой затее привлекаются известные правозащитные организации и деятели. Правда, в этом варианте авторы данного политического проекта всячески демонстриру-

ют и свою политкорректность, и толерантность, и другие всяческие достоинства. Все бы хорошо, но кто же им поверит?

Из сказанного может сложиться впечатление, что гражданского общества в сегодняшней России нет и быть не может, в чем нас уверяют многие, если не большинство уважаемых социологов и политологов, и еще большее число публицистов. Однако позволим себе пойти против этого господствующего мнения. В самом деле, того гражданского общества, какое существует на Западе, у нас нет и быть не может, так как Россия еще только трансформируется из тоталитарного государства в авторитарное, из унитарного в федералистическое, делает лишь первые шаги к переходу в информационное общество (доля информационных технологий во внутреннем валовом продукте России составляет всего 0,1%). Значит, в России еще не может быть такого мощного «среднего класса», той массы частных собственников, как на Западе. Социальная база для гражданского общества у нас гораздо уже. Но и в России существуют десятки миллионов граждан, являющихся собственниками недвижимости (квартир и домов, земельных участков и т. д.), средств транспорта; многие граждане являются акционерами частных предприятий. Кроме того, значительная часть государственных служащих и лиц свободных профессий по уровню семейных доходов, своему социальному статусу и менталитету объективно составляет социальную базу гражданского общества.

Здесь необходимо учитывать и цивилизационную специфику российского общества, его исторические традиции, когда оппонентами самодержавия, генераторами и носителями гражданственности, патриотической идеи выступали прежде всего дворянская и разночинная интеллигенция и прогрессивная часть чиновничества¹⁰.

Дворянски-разночинская интеллигенция XVIII—XIX в. стала ядром формирования гражданского общества в России, энергично пополняясь за счет представителей более зрелых слоев Польши, Австро-Венгрии, германских земель, Скандинавии и Прибалтики. В него вливались социальноактивные выходцы из Греции, других балканских стран, а позднее из Франции и Италии. Немалую роль в формировании россий-

¹⁰ См.: Современная российская цивилизация. Кн. I. Гл. 2. М., 2000. С. 67—138.

ского гражданского общества XIX — начала XX веков сыграли передовые элементы украинской, белорусской, еврейской, грузинской, осетинской, татарской, якутской интеллигенции.

Известная слабость развития индустрии и рыночных отношений, громадные пережитки крепостничества, сила патриархального уклада и общинных начал, особенно в Сибири, на Кавказе, в Средней Азии, не способствовали слиянию всех разнородных элементов в подлинно зрелое и единое гражданское общество.

Поэтому столь большую роль в его формировании играли публицистика, литература, театр и музыка, а в целом — творческая интеллигенция, группировавшаяся вокруг народных училищ и высших учебных заведений. Жесткий контроль самодержавия привел к обострению противостояния народной интеллигенции и самодержавия, и, в конечном счете, это противостояние обернулось гражданской войной. Хотя она разразилась на целое столетие позже аналогичных гражданских войн в испанских владениях в Америке, здесь обнаруживается поразительное сходство. Да и поздние гражданские войны в Мексике и Колумбии, почти одновременные нашей, также очень похожи одна на другую и на войну в России. По тем же мотивам у нас была столь популярна гражданская война в Испании, в которой участвовало большое число наших сограждан.

Однако, вопреки романтическим представлениям, гражданские войны не ускоряют, а напротив, затрудняют формирование гражданского общества и духа толерантности, так как отравляют весь духовный организм личности идеологическим фанатизмом, ядом взаимной ненависти и стирают целые пласты исторической памяти не только в духовном, но и в материальном смысле. Проходят многие десятилетия, а то и целые века, прежде чем эта взаимная ненависть выветривается из сознания и эмоциональной сферы и открывается поле для торжества мира и толерантности в отношениях между согражданами. В Латинской Америке на это понадобились два столетия, в России — одно, в Испании — полвека.

В Латинской Америке и в Испании, как и в России, духовная составляющая, духовный компонент гражданского общества появляется раньше социального и имеет приоритет перед последним.

Поэтому во всех трех случаях, а также и на Балканах, интеллигенция выступает не столько как особый социальный слой, а прежде всего как духовно-нравственный резонатор народной боли, неустроенности, страданий.

Интеллигенции плохо, когда плохо большинству народа, его основной массе. Она сострадает ему и старается донести эту боль до правителей, достучаться до власти. В этом смысле она восполняет ту роль, которую в Испании со времен Реконквисты, а в России и на Балканах со времен Византийской империи утратила церковь, — роль заступницы за народ перед властью. Речь идет о «духовном окормлении народа», о сострадании ему и о донесении его забот до ушей сильных мира сего. Неслучайно Герцен выбрал для своего журнала название «Колокол». Интеллигенция призвана будить совесть в людях и прежде всего — в тех, кто имеет знания, богатство и власть, чтобы поделиться со страждущими, помочь им, надумать их. Эта миссия не нужна на Западе, где ее худо-бедно выполняет церковь. Но в восточном православии, а также до недавнего времени в Испании, Португалии и Латинской Америке церковь выполняла прежде всего роль инструмента государства для военной мобилизации населения против внешнего врага, а не роль заступницы за народ перед собственной властью. В этом — глубокое цивилизационное отличие гражданского общества в России от гражданского общества на Западе.

Остро ощущая народную боль, переживая ее как свою собственную, классическая русская интеллигенция, начиная с Сумарокова, Ломоносова, Эмина, Крылова, Пушкина и Гоголя, выступала прежде всего как народная заступница. Абсолютизация ею этой роли приводила ее к столкновению с властью, к личной и общественной трагедии, как это показали судьбы Новикова, Радищева, Рылеева, Герцена, Бакунина, Чернышевского, Короленко, Блока, Есенина, Мандельштама, Булгакова, Зощенко, Ахматовой, Сахарова, Вампилова, Высоцкого, Шаламова и многих тысяч других известных и неизвестных интеллигентов. Они не могли быть «толерантны» к тем, кто был глух к страданиям народа, к его судьбе. Эта «нетолерантность» русской интеллигенции всегда ставилась ей в вину, начиная с выговоров Екатерины II-ой Новикову в журнале «Всякая всячина» и до сего дня. Де «на Западе» интеллигенты так «себя» не ведут», они — «толерантны», «добросердеч-

ны», а вы «злые», все пороки знати адресно обнаружите на весь свет. Впрочем, так же доставалось и от власти и от церкви испанским сатирикам, художникам и публицистам. Их корили за «нетолерантность». Вот уж поистине «нам нужны подорожьи и такие гоголи, чтобы нас не трогали». Эти стихи хорошо передали самочувствие советских верхов периода «застоя», ощутивших дискомфорт периода «оттепели», когда советская интеллигенция всерьез приняла партийную программу, гласившую, что «нам Гоголи и Щедрины нужны», и попыталась примерить себе ризы классической русской интеллигенции.

Ныне, в условиях перехода России к информационной цивилизации, гражданское общество здесь формируется не только за счет многочисленного слоя собственников недвижимости, но и тех групп, которые обладают знаниями и умениями, обладают социально значимой информацией и способны распоряжаться ею как товаром. Особую роль в этом отношении приобретает так называемая компьютерная грамотность, позволяющая освоить новые элементы гражданского рынка. Однако здесь нельзя переоценивать чисто технический момент. Идет быстрое старение приобретенных технических навыков, смена информационных технологий и средств обработки и передачи информации. Гораздо важнее содержательная сторона дела. Так что конфигурация тех малых групп, которые могут составить социальную базу нового гражданского общества, меняется столь стремительно, что с трудом поддается строгому социологическому анализу. Список новых профессий пополняется очень быстро, а сами профессии столь же быстро сходят на нет.

Тем не менее, социальная база — не то, что само гражданское общество. Здесь нет автоматизма. Решающим моментом в этом служит субъективный выбор личности, разумно и осознанно определяющей свое поведение.

Особенно ярко цивилизационные характеристики гражданского общества проявляются, когда мы рассматриваем степень его толерантности и гуманизма.

В российской цивилизации во все периоды, когда была заметна активизация гражданского общества, так или иначе отмечался определенный уровень его толерантности. В Киевской Руси это обстоятельство зафиксировано в практике международных отношений Ярослава Мудрого. В Московс-

кой Руси приходится выделить время правительства Ивана III и особенно его сына Василия. В послепетровский период речь идет об отдельных периодах правления Екатерины Великой и ее внука Александра I. Так, императрица в своем журнале «Всякая всячина» призывала своих подданных (которых она впервые в российской истории запретила именовать своими рабами и холопьями) «хранить во всех случаях человеколюбие», проявлять снисхождение к человеческим слабостям и прощать друг другу обиды, не таить зла, быть добросердечными. Именно в это время в русском языке появляется само понятие толерантности, пришедшее из французского языка, а в начале XIX века и особенно в его середине, в правление Александра II, широко входит в русскую литературу, приобретая утраченную впоследствии глагольную форму. Правда, в языке А. С. Пушкина понятие толерантности еще передается словом «терпимость» (хотя оно употреблялось им сравнительно редко, зато во много раз чаще — слова «терпение» и «терпеть», а не «толеровать»)¹¹. В общем-то здесь также просматриваются определенные стереотипы самоидентификации русских с точки зрения и философии поэта, и историка России начала XIX века. Эти стереотипы оказались исключительно живучими и до сих пор оказывают очень серьезное воздействие на общественное самосознание и политическое поведение российских граждан как оборотная сторона бунтарства и вольнолюбия.

Этот лингвистический и исторический экскурс понадобился нам для адекватного понимания цивилизационной сущности современного процесса модернизации и трансформации России, сопровождающегося формированием гражданского общества и сопутствующего ему толерантного поведения с культурой мира и согласия. Этот процесс призван подвести окончательную черту, завершающую полосу гражданской войны и международной изоляции, открытой поражением России в войне с Японией и революцией 1905 года и занявшей почти весь XX век.

Теперь в истории российской цивилизации открывается новая полоса мира, гражданского согласия и интеграции в универсальную мультикультурную цивилизацию XXI столе-

¹¹ Кретов А. А., Матыцина Л. М. Морфемно-морфологический словарь языка А. С. Пушкина. Воронеж, 1999. С. 183.

тия. Необходимым и обязательным краеугольным камнем согласия, мира и взаимопонимания как раз и выступает толерантность¹².

При этом ее нельзя противопоставлять гражданственности и толковать как забвение исторической памяти. Такое противопоставление, начавшееся именно в середине XVIII века, сорвало дело Просвещения в России и не позволило превратить ее в подлинно европейское государство, привело в кровавую пропасть того беспощадного бунта и азиатского варварства, от которой так старался отвести наш народ А. С. Пушкин.

Напротив, толерантность опирается именно на гражданственность и историческую память и предполагает не автоматический процесс, рассчитанный на природные институты биологического вида, а на сознательное поведение цивилизованных равноправных граждан, умеющих отстаивать свои интересы и ради этого договаривающихся между собой о совместных действиях.

Эта новая полоса в истории предъявляет определенные требования и к личности гражданина, и к гражданскому обществу, и к государству, и к региональному и международному сообществам.

От личности нужно понимание ею своей главной и единственной роли в развитии цивилизации, преобразовании общества и мира. Ей придется понять, что без нее и за нее это сделать некому, что она — единственный герой этого процесса, и что она будет творить мир по своему образу и подобию, а ее партнеры будут руководствоваться теми же соображениями. То есть ей придется быть толерантной личностью, что в свою очередь предполагает гораздо более высокий уровень ответственности, профессионализма и здоровья, физического и нравственного, нежели сегодняшний. Программы развития страны, ее государственный бюджет в текущие десятилетия не могут строиться без учета этой перспективы.

Обществу предстоит еще структурироваться. Пока еще его структура не современна, хотя в ней выделяются энергичные и понимающие свою ответственность звенья «третьего секто-

¹² См.: Коваль Б. И., Семенов С. И. Толерантность и гражданское общество // Толерантность и ненасилие: Под ред. М. Б. Хомякова, Ч. 2. Екатеринбург, 2000. С. 332—382.

ра». Здесь уже обозначились точки роста и появились живые побеги здорового гражданского общества. Оно живет и успешно действует в сегодняшней России¹³.

Сущей бедой России была и остается война на смерть между гражданским обществом и государством, в результате чего у нас и то, и другое обрело формы подобия (квазиобщество и квазигосударство), но полноценных гражданских и государственных институтов так и не выработалось.

Сейчас открылась редкая, но чрезвычайно ценная возможность получить настоящее оппонирование общества государству со взаимным уважением своих полюсов. Такое взаимодействие, когда контрольные функции строго и ответственно выполняет общество через свои институты и СМИ, позволило бы российской цивилизации обрести наконец не внешний, а внутренний источник развития, его постоянный внутренний двигатель.

Государство в последние десятилетия понимало, разумеется, необходимость обретения такого двигателя. Но думающие элементы верховной власти за повседневной суетой постоянно теряли из виду эту задачу, а вся властная верхушка, движимая своекорыстными расчетами, вообще с подозрением относилась к самой постановке этого вопроса, так как общественный контроль «подрывает» всевластие нашей вороватой финансовой олигархии.

И все же вменяемая часть «вертикали власти», чувствуя неотвратимость указанной тенденции развития и будучи озабоченной не только одними соображениями пополнения собственного кармана, но и действительными задачами строительства России как национального государства (не в сталинском понимании этого термина как моноэтнического гособразования, а в общеевропейском смысле слова), за последний год немало сделала для того, чтобы вокруг нее появились столь же озабоченные этим стремлением общественные организации. Она ведет строительство гражданского общества сверху, и пока это у нее получается, правда, с добавлением приставки «квази». То есть выходит нечто вроде несмеяновской «черной икры»: по внешнему виду похоже, но пахнет не икрой, а керосином, и вкус противный. Но зато «сдела-

¹³ См.: Гражданское общество. М., 2001. Также см.: Современная российская цивилизация. Кн. II. Гл. 2. М., 2000. С. 77 – 189.

но — по науке», государству вроде бы дешево обходится, а публике можно продать по цене настоящей икры. Поистине, наше власть «играет как умеет», а другой нету...

Наконец, нашим региональным и международным партнерам пришла пора понять, что на месте «черной дыры», появившейся после распада СССР, им выгоднее иметь дело не с международными бандитами, «Уралмашевской ОПГ» или «солнцевской» и «измайловской братвой», а с полноценными, ответственными, демократическими вполне европейскими и вполне азиатскими государствами. А для этого надо помогать не «семьям», не «олигархам», не братве, а именно полноценным и ответственным общественным организациям, имеющим незапятнанную репутацию и опыт ответственного участия в правозащитных и гуманитарных акциях. В случае, если удастся превратить эти организации в партнеров российского государства и добиться того, чтобы они совместно отстаивали общенациональные интересы, обеспечивали гражданское согласие, есть шанс, что Российская Федерация не только не распадется, а станет полноправным и ответственным участником общеевропейского концерна, организации Азиатско-Тихоокеанского региона и благополучно впишется в международную организацию XXI века.

Г. К. Исакова,

*доцент Семипалатинского государственного университета
(г. Семипалатинск, Казахстан)*

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В XX веке права человека стали главной философской концепцией в политическом мышлении. «Философия прав человека — это концепция, объединяющая людей гораздо крепче, чем любое другое существовавшее доселе мировоззрение» (1).

Представления о правах человека, основанные на различном мировоззрении, методологических подходах, политических позициях, представляют совокупность существующих в обществе вариантов понимания прав человека. Анализируя концепции прав человека и их реализацию в различных странах, различных правовых системах, можно проследить общие